

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.40>

Лобанова Нина Исааковна

ВЕЩЬ МЕЖДУ ЗНАКОМ И СИМВОЛОМ (О СЕМИОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕЩИ)

В статье предпринята попытка исследовать вещь как семиотический феномен. В связи с этим рассматривается вопрос о взаимосвязи функционального и символического (и, шире, семиотического) бытия вещи. Методологической основой статьи служит принцип комплементарности. Попытка взглянуть на взаимоотношение функционального и семиотического сквозь призму указанного принципа подводит к выводу о том, что функциональное оказывается включено в семиотическое. Особое внимание уделяется проблеме дифференциации семиотических характеристик с целью отделения знаковых функций вещи от ее символических проявлений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/40.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 202-208. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философская антропология, философия культуры

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

УДК 111.003

Дата поступления рукописи: 13.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.40>

В статье предпринята попытка исследовать вещь как семиотический феномен. В связи с этим рассматривается вопрос о взаимосвязи функционального и символического (и, шире, семиотического) бытия вещи. Методологической основой статьи служит принцип комплементарности. Попытка взглянуть на взаимоотношение функционального и семиотического сквозь призму указанного принципа подводит к выводу о том, что функциональное оказывается включено в семиотическое. Особое внимание уделяется проблеме дифференциации семиотических характеристик с целью отделения знаковых функций вещи от ее символических проявлений.

Ключевые слова и фразы: вещь; знак; мнемонический символ; функциональные характеристики; семиотические характеристики; вещьность.

Лобанова Нина Исааковна, к. филос. н., доцент

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

nanakrasnoyarsk@yandex.ru

ВЕЩЬ МЕЖДУ ЗНАКОМ И СИМВОЛОМ (О СЕМИОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕЩИ)

Феномен вещи всегда находился в центре философского внимания, начиная с момента зарождения философской мысли в Древней Греции и заканчивая обществом постмодерна. Особенность современного этапа заключается в смещении акцента от изучения практических функций вещи к исследованию ее социальной роли, раскрывающейся посредством ее семиотических характеристик. Однако смещение исследовательских интересов в том, что касается проблематики, сопровождается своеобразным «методологическим традиционализмом», который выражается в стремлении мыслить практические и социально-семиотические функции вещи согласно привычным моделям дихотомического мышления, основанного на принципе взаимоисключения и противопоставления («или-или»). Подобного рода подход излишне упрощает дело, поскольку не позволяет схватить сложность (целостность и многоаспектность) изучаемого явления. Учитывая сказанное, **актуальной** становится необходимость переосмысления (преодоления) традиционной биполярной парадигмы. В соответствии с этим **цель** исследования формулируется как анализ соотношения практических и семиотических характеристик вещи, выстроенный на основе принципа комплементарности¹. Для этого требуется не только рассмотреть взаимоотношение вещьности и семиотичности – их взаимодействие и взаимосоотнесенность в рамках совместного бытия в контексте конкретной вещи, но и дифференцировать само понятие семиотических характеристик – знаковости и символичности, проанализировать (переопределить) их взаимосвязь друг с другом и с функциональностью вещи, – решением этих **задач** и определяется логика нашего исследования, **научная новизна** которого обусловлена новым (в методологическом отношении) онтосемиотическим подходом, преодолевающим традиционное противопоставление вещьности (функциональности) – семиотичности (символичности).

Результаты исследования

В информационную эру вещь сама выступает как знак в системе глобальной социальной коммуникации. Именно в этом качестве она и интересна ряду исследователей, в чьих работах отчетливо просматриваются две тенденции: 1) стремление классифицировать вещи как «утилитарные» либо «семиотически значимые» (смотрите, например, работы Е. В. Васильевой [10], Е. В. Вранчан [11], А. Н. Городищевой, Э. В. Ходенковой [12], О. А. Ковтун [13], Л. Р. Миролюбовой [18], Н. И. Осмоновой [19], Н. Н. Суворова [22],

¹ Принцип комплементарности – принцип взаимосоответствия, взаимодополнения различных сторон, аспектов и характеристик предмета, которые в результате своего взаимодействия осуществляют процесс взаимоперехода, итогом которого оказывается новое/иное раскрытие сущности вещи.

О. А. Сулеймановой [23], Н. В. Чирковой [28]); 2) склонность к синкретизму – неразличение (смешение) знаковых и собственно символических аспектов вещи.

Что касается первой тенденции, то работы этнографов и семиологов показали, что корректнее было бы не разделять вещи на утилитарные и семиотически значимые, а различать в самой вещи утилитарные и семиотические стороны (грани), поскольку вещь «обладает не одной, а целым набором функций, среди которых есть и практические, и символические» [3], и знаковые. Подобная каталогизация вещей, возможно, потому столь устойчиво сохраняется в науках о культуре и до сих пор еще полностью не преодолена, что восходит к традиционной дихотомии материального и духовного, которая стала частью нашего языка и сознания [30].

Поскольку данный принцип классификации имеет не онтологические, а социальные истоки (это продемонстрировали работы Бурдьё [9]), упраздняется необходимость отсылки к скрытой сущности вещей, которая (пред)определяла бы границы и формы их бытия. В свете этого утилитарность и семиотичность представляют собой не разнородные категории, согласно которым различные вещи объединяются (сортируются) в классы и группы, а различные социальные роли вещи [31], своего рода принятые ею на себя социальные обязательства, накладываемые на нее самим фактом ее существования в социуме в качестве определенного элемента культуры (другими словами, артефакта) – в противном случае бытие вещи свелось бы к существованию на уровне простого физического объекта.

Сам факт того, что мы можем рассматривать (оценивать) вещи как утилитарные или семиотически значимые – есть акт интерпретации, который показывает, что мы изначально воспринимаем вещи как осмысленные (несущие смысл, имеющие значение). Таким образом, мы с самого начала склонны обращаться с вещами (какую бы функцию мы им ни приписали) как с предметами, имеющими семиотическую природу (то есть как с полноценными семиотическими объектами, чей смысл надлежит установить), в соответствии с правилом понимания, сформулированным В. Дильтейем и М. Вебером: физические процессы и явления природы мы объясняем, а людей и результаты их труда (то, что отмечено печатью сознания и относительно целевой (конечной) причины которого возможно поставить вопрос) мы понимаем (поскольку и вещи, и мы сами являемся в определенном смысле продуктами культуры, наше – обоюдное – существование определяется (обосновывается, оправдывается) в терминах смысла, а не посредством природной необходимости или биологической целесообразности).

В начале 1990-х гг. А. К. Байбурич отмечал «изменение привычных представлений о безоговорочном примате практических функций вещей над символическими» [2]. Сегодня мы становимся свидетелями другой крайности – вытеснения функциональности знаковостью: вещь становится репрезентантом, который все меньше «несет на себе функциональной нагрузки» [14, с. 76] и все больше «служит маркером всевозможных социальных значений» [Там же]. Однако вопрос не в том, чтобы легитимизировать притязания на приоритет одного либо другого набора функций, подведя под это солидные теоретические основания. Подлинная проблема заключается в том, чтобы коренным образом переосмыслить устоявшиеся представления о соотношении функциональных и семиотических аспектов вещи и определить роль первых в реализации возможности (ино)бытия вещи в качестве семиотического объекта.

Иначе говоря: какое значение для функционирования вещи в качестве символа имеет тот факт, что она до того, как стать символом, была вещью, предметом, изделием; как сказывается вещьность на ее символическом бытии?

Мы не случайно проблему о соотношении функциональных и семиотических аспектов вещи сузили до вопроса о взаимосвязи вещьности и символичности, оставляя на время в стороне знаковые характеристики. Это объясняется тем, что возможность преобразования вещьности (ее эмпирической фактичности), раскрытие иных параметров вещи (не явленных в функциональном измерении ее бытия) связаны именно с символом, с теми его свойствами, которые отличают его от знака. На одну из таких особенностей обратил внимание Ф. де Соссюр: «Символ характеризуется тем, что он не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например, колесницей» [15, с. 377].

Итак, вещь как символ «не до конца произвольна». Это означает, что игрушка, бережно хранимая взрослым, в акте символизации редко выходит за пределы детской. Ее прошлое, то есть ее бытие в качестве конкретной вещи, определяет и ограничивает рамки того символического пространства, в котором она как символ действительна (значима), оно регулирует возможности ее символизации, намечая тем самым область вероятных значений и смыслов, выражаемых (порождаемых, воплощаемых) ею.

Следовательно, функциональность вещи (ее вещьность, утилитарность, то, что Хайдеггер называет служебностью) не является безразличной к ее семиотическим (символическим) ресурсам и не существует наряду с ними просто как еще одна альтернатива. Совершенно верно: для того, чтобы семиотические функции (возможности) вещи могли проявиться, ее функциональность должна отойти на второй план. Но ошибкой будет воспринимать служебность вещи (то, что делает ее пригодной к использованию в той или иной практической сфере) как случайность или досадное недоразумение, клеймо древнего проклятия, тяготеющего над Адамом и над всем, чего касается его рука («в поте лица будешь возделывать хлеб твой»), от которого нужно освободиться, чтобы обрести способность выполнять эстетическую и т.п. неутилитарные функции.

Знаменитое размышление М. Хайдеггера над картиной Винсента Ван Гога «Башмаки» раскрывает эту идею следующим образом: «Возьмем для примера самое обычное – крестьянские башмаки. Возьмем известную картину Ван Гога, который не раз писал башмаки. Но на что же тут, собственно говоря, смотреть? Всякий знает, что нужно для башмака. И все же. Из темного истоптанного нутра этих башмаков неподвижно

глядит на нас упорный труд тяжело ступающих во время работы в поле ног. Тяжелая и грубая прочность башмаков собрала в себе все упорство неспешных шагов вдоль широко раскинувшихся и всегда одинаковых борозд, над которыми дует пронизывающий резкий ветер. На этой коже осталась сытая сырость почвы. Одиночество забилося под подошвы этих башмаков, одинокий путь с поля домой вечернею порою. Немотствующий зов земли отдается в этих башмаках, земли, щедро дарящей зрелость зерна, земли с необъяснимой самоотверженностью ее залежных полей в глухое зимнее время. Тревожная забота о будущем хлебе насущном сквозит в этих башмаках, забота, не знающая жалоб, и радость, не ищущая слов, когда пережиты тяжелые дни, трепетный страх в ожидании родов и дрожь предчувствия близящейся смерти. Земле принадлежат эти башмаки. Но мы, наверное, только видим все это в башмаках, нарисованных на картине. А крестьянка просто носит их. Если бы только это было так просто – просто носить их. Дельность изделия хотя и состоит в его служебности, но сама служебность покоится *в полноте существенного бытия изделия*» [26], в которой отсутствует распределение полномочий и разделение труда (демонстрируемое категориями, закрепленными каждая за своей сферой), иерархичность и одномерность, навязываемые порядком существования во внешнем мире, поэтому такие категории, как служебность, семиотичность, эстетичность – это разные лики, посредством которых вещь являет себя в границах нашего опыта.

Отдавая себя в распоряжение человеку, вещь получает право участия в его обыденности, становится неизменной спутницей его будней и праздников, разделяя с ним тяготы его повседневного существования. Через опыт повседневности вещь становится «доверенным лицом» человека. Сохраняя память о своей прошлой жизни (нередуцируемый остаток ее существования в качестве предмета обихода), вещь обретает способность стать голосом прошлого вообще. Бытование обращается в бытийствование. Из быта прорастает бытие вещи как символа. (Другими словами, опыт бытия вещью (предметом) оказывается необходимым условием ее становления в качестве символа.)

Вещь становится средой, в которой получают свое продолжение (обретают свое дление – “dure” Анри Бергсона) те связи и отношения, в которые она была включена во время своего «прижизненного» (функционального) существования и средоточием которых теперь сама является; вращаясь в это пространство вещи-символа, человек обретает память, характер, биографию – в конце концов саму личность. Здесь его корни.

Таким образом вещь как символ (в отличие от знака) «служит не для “выражения содержания”, а для хранения» [6, с. 36], это та «среда, в которой только и может существовать человек» [Там же]. Это определение вещи есть одновременно и описание слова, данное В. В. Библихиным. Подобное перекрестное совпадение нельзя расценивать как случайность. И дело не только в том, что, как отмечает В. Н. Топоров, понятие вещи «заимствовано из ст.-слав. яз., в ст.-слав. яз. вещь происходит из *veкъ, производного посредством суф. -тъ от той же основы, что и др.-инд. vākti “говорить”, лат. vox – “слово, голос”» [24]. Гораздо важнее то, что вещь, преобразовавшаяся (в древнем, алхимическом смысле этого слова) в символ, становится «логосом – производящим словом, внутри которого или в топосе которого что-то возникает в нас, в том числе возникают акты понимания (или памяти. – Н. Л.)» [16].

Акт символизации переводит вещь из физического измерения (где она существует наряду с другими материальными объектами) в смысловое (где она существует наряду со словом и другими «сознательными образованиями» [17]), позволяя ей пребывать «вместе с нами в одном континууме сообщения» [Там же], куда она как вещь ранее не могла быть допущена (где она как вещь не могла быть замечена, явлена). Эта переменная положения (статуса) вещи сказывается на изменении нашего подхода к ней. Теперь вместо обычных вопросов «Что это такое? Для чего это нужно?» у нас появляется возможность спросить: «Что это (данная вещь-символ) значит? Какова ее (а значит, в каком-то смысле и наша) память? Что мы помним (можем вспомнить) посредством (с помощью) этой вещи?». Адресация подобных вопросов к вещи не случайна, поскольку в качестве символа вещь играет роль материального носителя нашей памяти, она становится «запасником» воспоминаний, но «воспоминаний не о том, что прошло» [27, с. 109], отмечает М. Хайдеггер, «а о том, что было. Под этим подразумевается собрание того, что не проходит, а бытийствует, то есть того, что продлевается, предоставляя воспоминанию новые горизонты» [Там же].

Иными словами, став символом, вещь перестает презентовать саму себя через выпячивание своих функций (той задачи, которая за ней как за предметом – изделием – закреплена). Взамен этого она обретает способность отражать, воспроизводить тот мир, в котором она существует и которым была создана. Ее можно сравнить с зеркалом, которое отображает не саму вещь, а тот контекст, в который она вписана, тот круг бытия, которому она изначально принадлежит. Вещь-символ сама становится микрокосмом. Тем самым она восстанавливает внутри себя условия собственного существования, к каковому, несомненно, и принадлежит мир, который из фактора внешнего окружения (фона) становится ее конститутивным признаком, одновременно воспроизводящим ее и воспроизводимым ею. Так мир (и, соответственно, вещь, которая из него возникает) обретает «в самом себе гарантию собственного продлевания» [Там же] – благодаря этому то, что еще хранит (бережет) в себе вещь, оказывается не «проходящим» или «прошедшим», а – «бывшим» [Там же, с. 110] (следовательно, способным к восстановлению в акте памяти).

Однако век вещи-символа не так уж и долгов: временное существование вещи-символа, будучи органично вписано в человеческую жизнь, ограничено ее рамками. Так, детская игрушка, собираемая взрослым, выступает для него в качестве символа, актуализирующего его память (расширяющего и обновляющего горизонты его памяти), однако она прекращает свое бытие в качестве мнемонического символа, когда умирает человек, чью память о прошлом она хранила. Для его потомков, которые не имеют доступа к его личной памяти и у которых

отсутствуют общие – для этого человека и данного мнемонического символа – воспоминания (которые они могли бы разделить вместе с ними, и потомки поэтому не могут вспомнить вместе с этим символом то, о чем он напоминал их предку), этот предмет выступает уже в ином качестве – как знак-след (своего рода намек на ту значимость, значение которой им не дано постичь; Е. Баратынский об этом написал так: «Предрассудок! он обломок / Давней правды. Храм упал; / А руин его потомок / Языка не разгадал» или в другом варианте: «Праг остался; а потомок / Смысл его не разгадал» [4]). Знак-след – это, по замечательному выражению А. В. Ахутина, «последняя память» [1, с. 738], то есть напоминание о той запечатленной памяти, которую хранит в себе этот нерасшифрованный символ. (Можно сказать и иначе: знак-след – это своего рода символ символа.)

Иногда, правда, происходит возобновление функционирования вещи в качестве символа. Это случается, когда вещь включается в новые связи и отношения, например, когда эта игрушка начинает кристаллизоваться в себе память потомков об умершем (становясь уже символом не для него, а его самого – того, что этот человек для них (для потомков) значил, самой его личности и тех отношений, которые связывали их друг с другом). Таким образом, можно говорить о дискретном существовании вещи в качестве символа, успевающей прожить за свой век несколько жизней (своеобразная реинкарнация вещи).

Символ не просто накапливает память как информацию (то, что может быть принято к сведению) – он возвращает человеку опыт (личный или коллективный) в качестве осознанного и пережитого. Реинкарнация символа означает, что он накапливает разновременные (относящиеся – обращенные – к разным субъектам) пласты памяти, которые, сосуществуя в символе как целом, не являются продолжением друг друга, а представляют собой фрагменты иногда единой, иногда различных мозаик.

Эта фрагментарность (или, лучше сказать, многоликость) памяти образует мультисмысловое пространство символа, которое отличает его от знака. Характерен с этой точки зрения знак «фигурка в юбке», обозначающий комнату для дам: разночтения здесь исключаются. Это обстоятельство служит маркером, демонстрирующим, что знак в основе своей всегда сигнал, по отношению к которому (если адресат владеет кодом) невозможен акт не(до)понимания. Символ же, напротив, многоплановен, он предполагает «мерцание смыслов», переключение из одной смысловой системы в другую. Поэтому вещь, взятая как символ, оказывается сложным (полифоническим) явлением: помимо функциональных (утилитарных, собственно «вещных») характеристик, она обнаруживает и ряд семиотических. Однако семиотичность вещи неоднозначна.

Здесь следует сказать несколько слов о второй тенденции, характерной для современных исследований по семиотике вещей: речь идет, как было отмечено ранее, о смешении (или неразличении) знаковых и символических характеристик вещи. Так, вещи с высоким «символическим статусом» трактуются как те, у которых преобладает знаковая функция (смотрите уже названные работы Е. В. Васильевой [10], Е. В. Вранчан [11], А. Н. Городищевой, Э. В. Ходенковой [12], О. А. Ковтун [13], Л. Р. Миролюбовой [18], Н. И. Осмоновой [19], Н. Н. Суворова [22], О. А. Сулеймановой [23], Н. В. Чирковой [28]).

Думается, по отношению к семиотическим явлениям необходим более дифференцированный подход. На тот факт, что семиотическое пространство неоднородно, в нем присутствуют разные (порой диаметрально противоположные) семиотические объекты указывал Ю. М. Лотман: «Иероглиф, написанное слово или буква и идол, курган, урочище – явления в определенном смысле полярные и взаимоисключающие. Первые обозначают смысл (и представляют собой знак. – *Н. Л.*), вторые – напоминают о нем» [15, с. 368] и являются символом. Эту же идею (в присущей ему афористичной манере) выразил и Р. Барт: «Не следует смешивать понятия *значить* и *сообщать*» [5, с. 417].

Если говорить о сближениях, то это, скорее, возможно в отношении функциональных и знаковых характеристик, а не в отношении знаковых и символических. В свое время на это обратил внимание Ж. Бодрийяр в своей программной работе «К критике политической экономии знака».

Функционально-знаковые характеристики, действительно, имеют между собой нечто общее (именно поэтому мы пишем их через дефис), а именно: и те, и другие оказываются включены в процесс товарно-денежного обращения. С целью использования функциональных и знаковых характеристик вещи покупают и продают. Этот подход не работает в отношении символов. Они не вписываются, как подмечает Ж. Бодрийяр, в «политическую экономию» [7, с. 77].

Другими словами, символические свойства (способности) вещи не могут быть приобретены в результате купли-продажи, а только раскрыты в процессе проживания общей, отмеренной им вместе с людьми судьбы. Вещь как символ выпадает из рыночных отношений (представляя собой, говоря языком современного искусства, «не-формат»): она не может быть продана – она может быть только передана. Здесь отношения обмена, выражаемые знаком, входят в противоречие (столкновение) с отношениями дара, воплощенными в символе.

Однако разница между знаком и символом их вовлеченностью в экономику обмена / экономику дара не исчерпывается. Активность и процессуальность, подчеркиваемые Р. Бартом (значение знака и символа раскрывается глаголом, а не посредством указания на конкретный объект), свидетельствуют о том, что символ и знак следует рассматривать не на манер предметов, каждый из которых занимает свое, отведенное ему место в семиотическом пространстве, а скорее как различные измерения самой семиосферы, создающие разные возможности существования для вещей, в это пространство вовлекаемых. Благодаря этому вещь обретает «как бы двойное бытие» [25]: помимо существования в мире физическом в качестве материального объекта, вещь обретается в пространстве семиосферы как полноценный семиотический объект, проявляющий попеременно то знаковые, то символические свойства, но никогда те и другие вместе.

В свете этих рассуждений знак и символ оказываются тогда не выражениями разных онтосемиотических сущностей – они представляют собой альтернативные способы описания различных граней (аспектов) одной

и той же вещи (предмета, мира, в конце концов): например, когда язык берется с точки зрения его повседневного функционирования – это (согласно закрепленной за ним по сложившейся лингвистической традиции идентификации) система знаков; когда язык становится предметом дискуссии сторонников старой и новой орфографии – это символ.

Исходя из этого, вещь можно определить как сложный семиотический объект, который, в зависимости от ситуации и контекста, обнаруживает то знаковые, то символические свойства.

Так, когда Шерлок Холмс по шляпе, забытой незадачливым посетителем, угадывает его социальный статус, семейное положение, род занятий, финансовые возможности, особенности характера и даже его психологическое состояние – он имеет дело со знаковыми свойствами вещи. А когда мы ставим вопрос: «Что значит эта шляпа для этого посетителя?», мы сталкиваемся с ее символическим аспектом, выражающим ее включенность в круг личного, интимного существования индивида. Не случайно ответ на этот вопрос может быть дан только самим индивидом, в то время как ответить на вопросы, связанные со знаковыми свойствами данной вещи, может вместо него любой наблюдательный человек, умеющий читать социальные и культурные коды. Знаки отличия легко поддаются чтению со стороны наблюдателя как раз потому, что отражают групповые (обобщенные, типовые) характеристики индивида (вернее, тех сообществ, представителем которых он в данном случае выступает). Это становится возможным благодаря тому, что знаку присуща определенного рода безличность: его адресат – это «тип», то есть всякий (любой), владеющий соответствующим языковым (социальным, культурным) кодом.

Для символа характерна своеобразная избирательность: с каждым он говорит на своем языке, обращаясь не ко всякому и любому, а к данному, конкретному лицу (не в юридическом, а в феноменологическом смысле этого слова: как к явленности, которую нельзя скрыть или спрятать, поскольку она существует только в момент (при условии) своего про-явления, по-каза).

Поскольку символ обращен к каждой (отдельной) индивидуальной персональности (формообразующим элементом которой сам и является), индивид в отношении с символом не заместим, он вынужден быть ни кем иным, как только самим собой. Поэтому вопрос: «Чем эта вещь была дорога этому человеку? Что он посредством нее помнил?» (на который может дать ответ только тот, о ком идет речь в данном вопросе) свидетельствует о необходимости (неизбежности) личного участия (вовлеченности) в выстраивании коммуникации с символом.

Персональная сторона символа известна и древним, и современным людям. Древние знали об этом и потому хоронили личные вещи человека вместе с ним: вещь является хранителем не только памяти, опыта индивида, но и его прошлых «Я-образов», в определенном смысле вещи можно рассматривать как продолжение человека («неорганическое тело человека», по Марксу), в них рассеяны осколки его личности, поэтому он и узнает себя в вещах.

Догадывается об этом и современный человек, и потому выбрасывает как ненужный хлам фотографии, памятные вещицы, предметы обихода – в общем, все, что принадлежало другому, а значит, может волевым решением напоминать о нем, расставляя вместо доставшихся по наследству вещей свои знаки присутствия, что на поверку оборачивается прерыванием памяти, разорванные нити которой еще удерживает символ – последний страж, который сберегает место человека, замещая его отсутствие (в системе социальных и культурных связей) своим присутствием, продолжая вместо него (от его лица) прерванный диалог.

«Вещи, – отмечает Ж. Бодрийяр, – словно антропоморфные боги-лары, воплощающие в пространстве аффективные связи внутри семейной группы и ее устойчивость, становятся исподволь бессмертными до тех пор, пока новое поколение не разрознит их, не уберет с глаз долой» [8, с. 19]. С этой точки зрения акт выбрасывания доставшихся по наследству вещей представляет собой не только отторжение общей памяти, но и отказ от продолжения тех сложившихся отношений, которые делали индивида частью данной общности. Учитывая, как быстро сегодня «стареют» вещи (феномен «одноразовых вещей», помноженный на капризы моды и т.д.), можно предположить, что в современном обществе действует механизм вытеснения – замещения (не в психоаналитическом смысле этого слова, а в том, который подразумевал В. Соловьев, когда писал о «непроницаемости во времени, в силу которой всякий последующий момент бытия не сохраняет в себе предыдущий, а исключает или вытесняет его собою из существования, так что все новое в среде вещества происходит за счет прежнего или в ущерб ему» [21] и о «непроницаемости в пространстве, в силу которой две части вещества (два тела) не могут занимать за раз одного и того же места, то есть одной и той же части пространства, а необходимо вытесняют друг друга» [Там же]), что ставит под вопрос саму возможность преемственности, историчности человеческого существования (и самого его существа в качестве имеющей прошлое и вписанной в историю личности). Символ выступает в этом случае как попытка организовать распавшееся, раздробленное «на исключают друг друга части и моменты» [Там же] бытие как присутствие и коммуникацию, трансвременную непрерывность которой он и призван обеспечить.

Однако символ служит пространством «собираения» не только для человеческой личности, но и в отношении времени, которое, объективируясь, находит себя в вещах, становясь историей. Сами вещи есть история [29, р. 193] (в двух смыслах этого слова: как события, то есть история пережитая; и как предание, то есть история (или, вернее, истории) рассказанная). Или просто: вещь (взятая в контексте своих семиотических характеристик) есть нарратив [20, с. 74], поэтому в вещах «время утраченное» становится «обретенным временем».

Заключение

Итак, проведенный анализ показал, что функциональное и семиотическое являются не двумя различными видами бытия, обособленными и противостоящими (вытесняющими) друг друга, а выражением (следствием,

проявлением) полноты бытия вещи. Другими словами, функциональное оказывается включено в семиотическое (предваряет его собою).

Таким образом снимается традиционная дихотомия «практическое – символическое» («функциональное – знаковое»). Однако это не отменяет другого противопоставления (гораздо более значимого в семиотическом отношении): «знак – символ». Именно эти диаметрально противоположные и взаимоисключающие характеристики обуславливают полярность вещи и ее семиотическую неоднозначность, тем более заслуживающую исследовательского внимания, что проявляется она не только в неожиданном противостоянии сходных, казалось бы, характеристик (оппозиция «знаковое – символическое»), но и в таком же неожиданном сближении, каковым оказывается категориальная пара «знаковое – функциональное». Соотношением и взаимодействием этих двух оппозиционных пар и определяется семиотическая деятельность вещи.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие практических и семиотических характеристик вещи, обусловленное принципом комплементарности, предоставляет вещи возможности инобытия, благодаря которому она может реализовать себя не только в качестве материального объекта, товара, предмета быта, но и в качестве мнемонического символа.

Список источников

1. Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.
2. Байбурин А. К. Пояс (к семиотике вещей) [Электронный ресурс]. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xlv/mae_xlv_01.pdf (дата обращения: 15.06.2019).
3. Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология [Электронный ресурс]. URL: https://eu.spb.ru/images/et_dep/Baiburin/baiburin_status.pdf (дата обращения: 15.06.2019).
4. Баратынский Е. А. Предрассудок [Электронный ресурс]. URL: <http://baratynskiy.lit-info.ru/baratynskiy/stihi/predrassudok.htm> (дата обращения: 15.06.2019).
5. Барт Р. Семантика вещи // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 416-426.
6. Бибахин В. В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с.
7. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с.
8. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
9. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера [Электронный ресурс]. URL: http://bourdieu.name/files/burde_-_politicheskaya_ontologiya_martina_haydeggera_-_2003.pdf (дата обращения: 15.06.2019).
10. Васильева Е. В. Положение вещей // Теория моды: одежда, тело, культура. 2017. № 43. С. 307-311.
11. Вранчан Е. В. Понятие «вещь» как объект семиотической системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). Ч. 1. С. 41-44.
12. Городищева А. Н., Ходенкова Э. В. Вещь в культуре информационного общества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 39. С. 61-66.
13. Ковтун О. А. Человек и вещь в культуре: семиотика отношения к вещам в практиках «нефункционального потребления» // Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции (г. Челябинск, 14-17 апреля 2015 г.). Челябинск, 2015. С. 560-563.
14. Корнев В. В. Понятие «вещь» // Известия Алтайского государственного университета. 2003. № 4 (30). С. 73-78.
15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 149-390.
16. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/lekcii-po-antichnoj-filosofii-read-29295-16.html> (дата обращения: 15.06.2019).
17. Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 584 с.
18. Мирюлюбова Л. Р. Основные теоретические подходы к изучению взаимосвязи вещи и человека // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2018. № 1 (18). С. 84-88.
19. Осмонова Н. И. Вещь как символ и транслятор коллективных ценностей в традиционной культуре кыргызов // Общество: философия, история, культура. 2016. № 8. С. 25-30.
20. Рикер П. Время и рассказ: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. 313 с.
21. Соловьев В. Смысл любви [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-vladimir-solovev/105591-smysl-lyubvi-vladimir-solovev/read/page-5.html> (дата обращения: 15.06.2019).
22. Суворов Н. Н. Аура вещи в утверждении культурного пространства // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3 (36). С. 62-67.
23. Сулейманова О. А. Переезд на новое место жительства: к проблеме семантизации вещей в современной культуре (на материалах Кольского Заполярья) // Арктика и Север. 2017. № 27. С. 30-51.
24. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/v/Vesh.html#torogov> (дата обращения: 15.06.2019).
25. Тютчев Ф. И. О вещая душа моя!.. [Электронный ресурс]. URL: <https://rupoem.ru/tyutchev/o-veschaya-dusha.aspx> (дата обращения: 15.06.2019).
26. Хайдеггер М. Исток художественного творения [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Ist_01.php (дата обращения: 15.06.2019).
27. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 290 с.
28. Чиркова Н. В. Вещи и предметы быта в контексте культуры повседневности [Электронный ресурс] // Концепт: науч.-метод. электронный журнал. 2016. № S14. С. 46-50. URL: <https://e-koncept.ru/2016/76172.htm> (дата обращения: 15.06.2019).
29. Baer E. Things Are Stories: A Manifesto for a Reflexive Semiotics // Semiotica. 1979. Vol. 25. Iss. 3/4. P. 193-203.

30. Keane W. Semiotics and the social analysis of material things [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9bca/b3712521ae3301f3ad4d1b925b8c491d2f1c.pdf> (дата обращения: 15.06.2019).
31. The Socialness of Things. Essays on the Socio-Semiotics of Objects [Электронный ресурс] / ed. by Stephen Harold Riggins. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=uWUjAAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA1&dq=socialness+of+things&ots=bQmBKM2q_0&sig=Z2Eoi7Uzxjm4hcwgeIHEaqu1k-Y&reir_esc=y#v=onepage&q=socialness%20of%20things&f=false (дата обращения: 15.06.2019).

THING BETWEEN SIGN AND SYMBOL (ON SEMIOTIC FUNCTION OF THING)

Lobanova Nina Isaakovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
nanakrasnoyarsk@yandex.ru

The article considers a thing as a semiotic phenomenon. In this connection, the author tackles the problem of interrelation of functional and symbolic (and more broadly, semiotic) existence of a thing. The study is based on the methodological principle of complementarity. Analysing the interrelation of the functional and the semiotic through the lenses of the mentioned principle, the author concludes that the functional turns out to be included into the semiotic. Special attention is paid to the problem of identifying semiotic characteristics with a view to differentiate the sign functions of a thing from its symbolic manifestations.

Key words and phrases: thing; sign; mnemonic symbol; functional characteristics; semiotic characteristics; thingness.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 23.08.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.41>

В статье раскрывается содержание проблемы секулярного и секулярности, как они представлены в философском творчестве В. С. Соловьёва. Автор работы рассматривает философскую систему В. Соловьёва как попытку описать происхождение и смысл секулярного в европейской культуре и наметить перспективы исторического процесса секуляризации. Наибольшее внимание в этом контексте уделяется выявлению связи секулярности с христианством, из которого, по мысли В. Соловьёва, секулярность первоначально возникает и через синтез с которым могут быть преодолены негативные аспекты современного мироустройства.

Ключевые слова и фразы: В. С. Соловьёв; секулярность; христианство; религия; постсекулярность; свободная теократия.

Мамаев Егор Евгеньевич

Русская экспертная школа, г. Москва
em@russian-expert.ru

СЕКУЛЯРНОЕ В ФИЛОСОФИИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31010.

1. Истоки секулярного в философии Соловьёва

Понятие секулярного вошло в гуманитарную науку только в XX веке, однако сам этот феномен стал осмысливаться исследователями намного раньше. Так, значительный вклад в осмысление секулярного внёс русский философ XIX века В. С. Соловьёв. В XIX веке для обозначения секулярного чаще всего использовались понятия «светский» или «мирской», поэтому в контексте исследования, посвящённого философии XIX века, представляется возможным использовать слова «светский», «мирской», «секулярный» как синонимы. В XX веке в гуманитарных науках была сформулирована «социологическая модель» секуляризации, согласно которой религия постепенно должна быть вытеснена из общественного пространства [9], а её место должен занять секулярный гуманизм [13]. Однако в последние десятилетия был зафиксирован рост значения религиозного фактора в международной и внутренней политике государств, что сразу вызвало дискуссии о несостоятельности господствующих представлений о секулярности и секуляризации и стало для многих исследователей отправной точкой для нового обращения к этой теме. В связи с этим сейчас особенно актуально выглядит анализ отечественного философского наследия в данном аспекте, и в частности – творчества В. С. Соловьёва, поскольку проблема секулярного была одной из центральных в его философии и всесторонне рассматривалась им как в общественно-политическом, так и в богословском контекстах. При этом творчество Соловьёва как теоретика секулярного (и постсекулярного) до сих пор не нашло должного отражения в работах, посвящённых его философии. Цель данной статьи состоит в том, чтобы дать всестороннюю характеристику той модели секуляризации, которую формулировал в своих философских и публицистических произведениях В. С. Соловьёв. Для достижения данной цели предполагается решить следующие задачи: установить предпосылки, из которых исходил Соловьёв, формулируя свою теорию секуляризации, определить основные векторы секуляризации как культурного феномена по Соловьёву, систематически описать предполагаемую им генеалогию секулярного в мировой культуре.